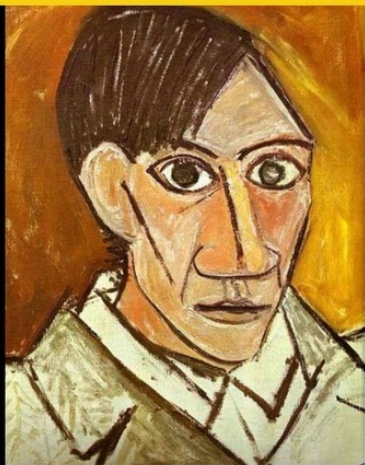

Олег Филипенко
Ловушка для лягушки

Роман в стихах

Олег Филипенко
Ловушка для лягушки.
Роман в стихах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42673351

ISBN 9785449692160

Аннотация

«Поэзия Олега Филипенко – это поэзия ярких образов и точных деталей. Поэт уводит читателя в свой мир, увлекая стихотворным повествованием, в котором он – мастер. Ответвляясь от основного сюжета, перед нами проходят картины детства и отрочества лирического героя. Насыщенные краски романа, представленные поэтом в данной книге, заставляют нас живо почувствовать атмосферу, в которой лирический герой существует...» Анастасия Харитоновна (1966—2003 гг.), поэт
Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	16
ГЛАВА ВТОРАЯ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Ловушка для лягушки

Роман в стихах

Олег Филипенко

© Олег Филипенко, 2019

ISBN 978-5-4496-9216-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

За полчаса до нашей встречи
я уж в кафе сидел и, плечи
согнув над столиком, горячий
пил кофе мелкими глотками.
Вокруг меня студенты ели,
работая так желваками,
словно сказать они хотели,
что институтская еда
скудна калориями. Да.

2

Но кормят ведь бесплатно – это
невероятно нынче. Ректор
так позаботился иль где-то
нашлись сегодня филантропы —
не знаю я... Я в институте
заочно обучаюсь, чтобы
не видеть при любой минуте
всю эту молодёжь и ум
не удручать печалью дум.

3

Я думал, как ЕГО я встречу
и что скажу. Что его речи
мне нравятся, ещё замечу,
что я земляк его, что много
у нас с ним общего, что надо
издать роман его и строго
пересмотреть кой-что, что радость
была большая для меня
прочсть его роман. Два дня

4

я наслаждался его вещью.
И хоть талант его не блещет
богатством слов, боюсь, что вещей
имеет взгляд он. Да, отмечу,
что я земляк его. Так странно,
что мы с ним раньше этой встречи
не виделись. Но может рано
тогда бы было. А теперь
после иллюзий и потерь

5

всех жизненных, не много надо
нам, чтоб понять друг друга. Ладно,
посмотрим, как пойдёт. Досада,
что я не взял свою книжонку
ему в подарок. Там поэмка,
которую довольно тонко
назвал я, автор, Филипенко
Олежек, «Повестью о Де-
моне», которую везде

6

сую, налево и направо,
своим, чужим и тем, кто, право,
и не читает вовсе. Славы
всё хочется, а не приходит,
проклятая. Но не об этом
сегодня речь. Мысль моя бродит
вокруг опального поэта,
чья рукопись через друзей
ко мне попала. Ей-же-ей,

7

так много общего меж нами,

что я был поражён. Словами
не передать, как я о драме
его догадывался. Это
понятно лишь поэтам. Впрочем,
не будем делать мы секрета
из опыта, что и рабочий
имеет в тридцать лет, но всё ж
поэт чуть-чуть другой. А то ж!..

8

Три ровно. Лишь от циферблата
глаза отвёл я, как, ребята,
вошёл АНДРЕЙ, спокойным взглядом
окинув зал. Я догадался,
что это он, по тем приметам,
которые он постарался
мне о себе сказать, но это
излишне было, – понял я,
что это он, взглянув скользя.

9

Он был одет настолько модно
и дорого, что я свободно
его бы за кого угодно

принять мог: коммерсанта или банкира, но никак, простите, не за поэта. Говорили, что он таков, но всё ж увидеть мечтал другого я: чуть-чуть несчастней что ли... Но не будь

10

так романтичен, братец. Хватит. Он подошёл ко мне, во взгляде светился ум, который, кстати, не главным был в нём. Было что-то во взгляде твёрдое, что сразу сказало мне о многом. Кто-то меня не понял, но я разом вам не готов то объяснить, что эмпирическим постичь

11

путём возможно... Я поднялся ему навстречу, догадался сказать приветствие и мялся, не зная, как начать. Мы сели. Он предложил мне сигарету.

Я отказался. В самом деле,
как дать понять ему, поэту,
что он мне близкая душа?
Он зал окинул не спеша

12

с брезгливой и высокомерной
усмешкой. Думает наверно,
что я такой же. Впрочем, скверно,
что это так меня волнует.
Ведь он ничем меня не лучше.
Он помолчал и начал: «Ну и
с чего начнём? С кем меня случай
свёл нынче? Вы поэт?» «Поэт», —
ответил я с улыбкой. «Нет

13

стихов своих с собою?» «Нету».
«Неважно. Ладно». Сигарету
вторую прикурил, при этом
всё более скучая. «Что же
заставило вас позвонить мне?»
«Мне кажется, что мы похожи», —
сказал я веско. Было видно

как он серьёзен стал. Потом
он наклонился через стол

14

ко мне и, чуть глаза прищулив,
в зрачки мои глядеть стал. Ну и
дела. Смутился я, на стуле
заёрзал задом. Наконец-то
он сел на место. С любопытством
меня рассматривать стал. «Где-то
я видел вас». Тут говорить стал
я про его стихи, про то,
что земляки мы. Он, в пальто

15

засунув руки, со вниманьем
меня выслушивал. Со знаньем
вопроса отвечал, с стараньем
слова подыскивая, что-то
о постмодерне. Здесь сошлись мы
во мнении. Но вот зевота
им овладела вновь, и жизни
не взвидел я: так он меня
стал раздражать. Но вот, тая

свою угрюмость, я любезно
ему сказал: «Для нас полезно
сотрудничать, коль век железный
настал в поэзии, иначе
сожрут другие нас». На это
он усмехнулся, озадачив
меня, и твёрдо рёк: «Поэтом
быть не желаю. Стыдно, брат.
Работать надо. Я богат

не так, чтоб очень, но хватает
на жизнь. Я, в общем, понимаю
тебя, но всё-таки другая
жизнь у меня уже. Быть может,
ты прав, а я всего лишь этот...
ну, конформист, но мною прожит
твой путь уже. Та песня спета.
Свобода, брат, она в деньгах.
Иль деньгах. Остальное прах.

Не знаю я твоих творений,
но будь ты дважды, братец, гений,
тем хуже для тебя, тем терний
ты встретишь больше на дороге.
Я не хочу. Не вижу смысла.
Вот я купил себе заводик
и выпекаю хлеб, и мысли
мои от музыки далеки,
писать стихи мне не с руки.

19

Так что пойми... К тому ж не очень
мне нравится, что озабочен
ты славою. Иного хочет
моя душа от тех, кто выбрал
поэта путь. Не обижайся.
Я понимаю всё. Но ты бы
другим занялся. Попытайся.
Вопросы есть ещё?... Старик,
не обижайся...“ „Я привык,

20

нет, ничего», – сказал печально

я и рукою машинально
стучал по стулу. «Но банальный
вопрос задать позволъ?» «Конечно».
«Роман правдив твой?» «Да... Быть может, —
он засмеялся. — Можно встречный
вопрос задать тебе, — ты тоже
поэт ведь, — Гоголь прав иль нет,
когда заметил, что поэт

21

не выражает шестой части
своей души в творенье?“ „Мастер
был прав», — сказал я, весь во власти
всепонимающей улыбки
Андрея. «Вот, ты сам ответил.
Так что вот так... Мои ошибки
пусть Бог рассудит на том свете,
но я хочу жить так, как я
сейчас живу... Рад, что моя

22

работа ходит в списках, рад был
с тобою пообщаться, дабы
чужое мненье знать, но слабый

я человек, нет больше силы
поверить в то, что потеряло
смысл для меня. Вот так вот, милый.
Прощай. Прости, коль был я мало
с тобой. Нет времени. Пошёл
я. Может быть, ещё

23

увидимся...» И он покинул
меня. Я с раздражением двинул
ногою стул и всех окинул
угрюмым взглядом. Чёрт с ним. Ладно.
Пусть катится. Передо мною
лежал его роман, с досадой
его открыл я и, к покою
придя душевному, читать
неволью стал его опять.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Однажды как-то получилось —
недавно это приключилось, —
мысль авантюрная забилась
в моём мозгу, и я решился
ночь провести среди бездомных,
и вот тогда я очутился
в час ночи на Тверской среди скромных
каких-то хлопцев, что меня
к себе зазвали, всех броня.

2

Конечно, глупо это было —
уехать из дому, где стыла
картошка жареная, — сила
какая-то влекла на гадость
меня, но я-то знаю точно
в чём дело было, — моя радость,
подружка милая, мне срочно
нагадила, и я был зол
и вот умчался, как осёл.

3

А было холодно к тому же,
промозглый ветер, рябь на лужах,
и я подумал, что досужих
мне пять часов грядущей ночи
снести не просто, в общем, будет,
когда вином иль водкой очи
я не залью свои и люди
мне в том помочь должны. И вот
я очутился там, где сброд.

4

Я как-то скоро подружился
с одним чучмеком, что молился,
сидя на стуле, и давился
сарделькой, что ему брезгливо
подсунул байкер, недоевши
её. Я взял две банки пива,
сел рядом с чуркой. Он, запевши
мотив какой-то, вдаль глядел
и соус с хлебом жадно ел.

5

Со мной заговорил какой-то парнишка юркий, что от стойки к нам перешёл: «Братва, чегой-то вы пьёте тут? А мне нальёте?» «Нет денег», – я сказал прохладно и отвернулся. «Вы живёте неважно. Как и я. Ну ладно... А я художник», – он сказал после того как помолчал.

6

Я дружелюбнее окинул его наружность взглядом, вынул тут жвачку «Стиморол» и кинул одну в свой рот. Парнишка был-то в очках, интеллигентен, только уж как-то слишком бил копытом, ну, то есть задавался. Сколько таких в Москве уж я видал и каждый в гении сигал.

7

За столиком соседним кучей

сидели байкеры и бучей
могло окончиться: могучий
парнишка, весь обтянут кожей,
кого-то на хер слал и звонко
его ударила по роже
за что-то байкерша, девчонка
шестнадцати, не больше, лет,
а он заехал ей в ответ.

8

Пластмассовые стулья мигом
были раскиданы и с гиком,
успев, однако, крикнуть: «Вика,
свали», набросился на лося
худой нескладный байкер с финкой,
но Вика закричала: «Ося!»,
а тут и мусора с дубинкой
уже бежали, чтоб разнять
ребят, готовых убивать.

9

Всё кончилось благополучно.
Ребята откупились. Звучно
они сморкались и научно

о мотоциклах рассуждали.
Но это было после. Прежде,
когда ребятки баловали,
я со стола взял пиво, вежды
прикрыл и думал: чёрт возьми!
Кто называется людьми!..

10

Подпортили чуть-чуть ребятки
мне настроение. В порядке
был мой чучмек: он череп гладкий
чесал и улыбался мирно.
Художник восклицал, как баба,
и руку вскидывал картинно,
и говорил: «Аллё, не слабо
она ему дала». А мне
хотелось выпить уж вдвойне.

11

Быть можно дельным человеком
и пить как лошадь. Можно млеком
питаться и не пить с чучмеком
бездомным и свиньёй остаться.
Однако кто на самом деле

есть дельный человек – тут, братцы,
я так скажу: кто чушь не мелит
на умняке, кто на хер шлёт
всех этих пидарасов. Вот.

12

Немножко я погорячился
и, в общем, цели не добился
сказать вам ясно. Приключился
со мною бзик. Бывает, что же.
Хоть мне уж тридцать, а порою
я зол, как мальчик, но, положим,
тому причины есть, не скрою,
ведь я того... хи-хи... поэт,
а славы, как и денег, нет.

13

Но ладно... Этой темы лучше
касаться мы не будем. Случай
не тот, а то, святые души,
читатели, я вас всех вкупе
пошлю подальше. Вы ж в отместку
мой текст закроете и вдупель
меня облаете, мол, детку

пора уж сильно проучить,
раз не умеет мирно жить.

14

Да вы уж проучили, право...
Но ладно... В общем-то, орава,
жизнь есть бесплатная халява
от Господа и трошки стыдно
на жизнь роптать... Итак, продолжим.
Купили водки мы и быдло,
со мной сидящее, и дождик,
что стал накрапывать, в момент
преобразились в уик-энд

15

едва ль не с лучшими друзьями.
Короче, ёрзая задами,
мы пили водку и болтали
какой-то вздор. Мой собутыльник,
чучмек, рассказывал о том, как
он докатился, бедный ссыльник,
до жизни с палкой и котомкой.
Его бесхитростный рассказ
перескажу сейчас для вас.

Но прежде я порассуждаю
на тему: почему считаю
я важным нынче, с кружкой чаю
в руке, писать про то, как кто-то
стал бомжем. Это интересно.
И в голове моей забота
понять: неужто эта бездна
не так страшна и можно жить
бездомным и спокойным быть?

Тут интерес мой был непраздным,
ведь я и сам в момент ужасный,
тому назад два года, красный
от холода, искал, как нищий,
на улицах случайных денег
и словно Симеонов-Пищик
о деньгах думал, и ступенек
на социальное, блин, дно
не оставалось: вот оно!

Я был в отчаянье. Казалось
мне ничего не оставалось,
как кончить жизнь печально. Малость
мне не хватило: луч надежды
и в тьме вонючей мне порукой
являлся в виде мыслей между
былым успехом и – а ну-ка
скажу здесь правду, – верой в то,
что я ещё не хер в пальто.

19

А, впрочем, я страдал ужасно...
Но вот. Я рассказал. Прекрасно.
Теперь вам, я надеюсь, ясно
чем этот бомж привлёк вниманье
моё: неужто в самом деле
можно вот так, без содроганья,
жизнь принимать и думать еле
о том, что, в общем-то, теперь
ты суший и бездомный зверь.

20

Да, можно привести примеры

великих философий, веры
и дзен-буддийские химеры...
Но этот чурка был невеждой,
он прост был, как российский рубль,
он тем потряс уж мои вежды,
что, когда хмель пошёл на убыль,
он «Общую газету» вдруг
достал и зачитал мне вслух

21

статью об акциях на бирже
и банковских расчётах. Ниже
ещё скажу об этом. Вы же
давно уж заждались рассказа
героя моего, как стал он
бездомным. Приступаю сразу.
С тех пор прошло уже ни мало,
ни много, а лет двадцать пять,
как он отправился гулять

22

с друзьями по родной станице.
(Теперь уж это заграница,
там жили русские и лица

с раскосыми глазами). Были друзья навеселе, но мало им всё казалось, они пили, пока герой наш у вокзала сознание не потерял: он там уснул, когда упал.

23

Проснувшись, он домой вернулся. Уж было утро. Он разулся едва, как в страхе пошатнулся: менты в квартире его были. Они его с собой забрали и уж в ментовке объяснили за что его арестовали: ты, говорят, вчера убил дружка. Вот так вот, Афраил.

24

«Когда и где?» «Вы вместе пили. Соседа Алика. Забыли?» «Убей, не помню. Мы кутили и было весело». «А после?» «Да вот, уснул я на вокзале,

ну то есть перепил как ослик...»
«Свидетели нам показали,
что вы его вот сим ножом
ударили за гаражом...»

25

И покатилося... Обвиненья,
допросы, жгучие сомненья:
а может так?... Но впечатленье
гнетущее от каталажки
его сломило: он сознался.
И вот уж вскоре по бумажке
ему, как он ни ободрялся,
в лицо суровый прокурор
прочёл суровый приговор.

26

«Друзья подставили, как видно, —
добавил Афраил. – Обидно.
А я не убивал... Эх, было
бессовестное...» И печально
подпёр он щёку. Но продолжил
рассказ свой Афраил опальный.
Он вышел из тюрьмы. Ну кто же

его теперь приветит? Но
о нём забыли уж давно.

27

Родня дружить с ним отказалась,
работы не нашёл: осталась
судимость в книжке, вот он малость
подумал и решил добиться,
чтоб приговор был пересмотрен,
и оправдали его лица
судебные. И вот, ободрен
таким решением, он в Москву
приехал. «Здесь я и живу

28

уже пять лет», – сказал уныло
нам Афраил. И Афраила
мне было жаль. Кругом всё плыло
в приятной дымке и сердечно
я стал выпытывать у чурки,
какие средства есть, чтоб вечно
он не скитался, но придурки,
затянутые в кожу, к нам
подсели. Начался бедлам.

Об этом позже. Или, может,
не стоит вовсе. Пусть продолжит
моё перо о том, что гложет
сейчас мой ум. Итак, читатель,
я вглядывался в Афраила
и мысленно твердил: приятель,
тебя жизнь просто раздавила,
но ты живёшь и как же так,
ты улыбаешься, чудак...

И захотелось мне прижаться
к нему щекой к щеке и, братцы,
побрезговал. Да и, признаться,
художник тронут вовсе не был
рассказом чурки. Он, напротив,
перебивал его и в небо
глядел ночное и наркотик
какой-то предлагал, что был
припрятан где-то, я забыл.

Кстати сказать, художник тоже
был издаля. По его роже
не скажешь, кто он, но похожий
на русского, хотя с акцентом
малороссийским. Он приехал
в Москву, как я сказал уж, кентом,
и видно вся эта потеха
с игрою в классики ему
была пока что по уму.

32

Он жил на чердаке каком-то
в среде полубогемной. С понтом
художник. Говорил о ком-то,
что он-де гений. Я не слушал.
Он рассказал, что промышляет
тем, что рисует лица тушью
прохожих на Арбате, знает,
как деньги делаются, но
ночами пишет полотно

33

великое о наркоманах.

В его зрачках, немного странно
расширенных, как у барана,
было отсутствие и мыслей
и чувств возвышенных. Меня он
немного раздражал, и висли
в мозгу картинки, в коих даун
присутствовал. Но, в общем, он
обычный парень был, пижон.

34

Девчонка байкерша подсела
за столик к нам и поглядела
зазывно на меня, – сидела
она до этого с друзьями
и на меня глядела, как бы
пытаясь угадать, что я, мол,
собою представляю, дабы
не ошибиться, чтобы был
не зря затрачен юный пыл.

35

Я был одет вполне прилично...
И в сотый раз я думал: птичка,
ты ошибаешься, я лично —

ничто. Какая ты смешная.
Я б подыграл, но интереса
к тебе я не имею, злая
девчоночка, какого беса
ты глазки строишь. Я – ничто.
Иди, ищи покруче кто.

36

Здесь стоит, в общем-то, отвлечься
и в слух порассуждать, что вечно
прогрессом движет, но стеречья
я должен рассуждений общих.
Всё потому, что с отвращеньем
я отношусь ко всяким тощим
философам, чьи речи пеньем
я заглушаю и люблю
весь разговор свести к нулю.

37

Но философских струн ни грамма
нет в самочке, что словно лама
мила и вертится упрямо
перед глазами, – потому-то
я не люблю всех этих кантов,

ведь вот правдивая минута:
девчонка мерюю таланта
свою устроить хочет жизнь,
инстинкт ей говорит: борись!..

38

И тут подсели эти парни,
затянутые в кожу. Бар не
работал, кажется, и я не
стал дожидаться, когда хлопцы
устроят бучу, хотя я-то
уже был пьян и эти поцы
мне стали нравиться, но надо
ещё мне было позвонить
подружке, чтобы сообщить,

39

чтобы меня она не ждала
сегодня ночью. Мне скандала
хотелось, чтобы она знала,
что я в свободном, блин, полёте...
Я взял с собою Афраила,
который зоб сжимал в икоте,
пообещал, что купим пива,

и мы пошли вверх по Тверской,
гонимы ветром и тоской.

40

Москва была давно пустынна,
лишь редкая машина мимо
нас проезжала и бензином
почти не пахло – посвежело.
Витрины, фонари горели,
и в небе звездочка блестела,
и было слышно, как запели
за нами, вдалеке, ну, там,
где был какой-то ресторан.

41

Шоссе блестело и лоснилось.
Пустая банка повалилась
порывом ветра, покатилась...
Где тот, что из неё пил пиво?
Уж дома спит наверно. Где же
тут телефон? Повешен криво
рекламный транспарант: в Манеже
то ль выставка, то ль продают
чего-то. Полный, блин, капут.

Какие чудные ворота.
Огромные. Да, вот работа.
Высокие. С рисунком. Кто-то
соорудил – ведь это ж надо.
Величие во всём. Как жалок
я рядом с ними, но награда
мне сознавать, что я – осколок
тех упований, хоть давно
всё это полное говно.

В ларьке возьмём, пожалуй, пива.
Да, я хорош. Напился. Криво
хожу. Да, в общем, и не диво:
грамм двести водки, пива банки
три уж за ночь. Не надо много
мне – что я ел? – одни баранки
какие-то, сардельку, сока,
ну, выпил... Вот и охмелел.
«А хорошо ведь, Афрогел...

Тьфу, Афраил... Прости... Смотри вон,
из казино какие дивы
выходят к «Мерседесу», криво
нам усмехаясь. Ты не думай,
что они чем-то лучше. Случай
решает всё. Вот я из дома
сюда, в Москву, как гад ползучий
приехал. По нулям. А вот
случайность – и уж через год

45

могу я, Афраил, позволить
и в казино, и благоволить
блядам роскошным, и повздорить
хоть с кем угодно... Ты чудесный,
прекрасный человек и хочешь
в ночной мы клуб с тобой прелестный
зайдём?.. Что, Афраил, бормочешь?..
Как хочешь... В общем-то не в том,
конечно, дело. Всё путём.

46

Идёте правильной дорогой,

товарищи!.. Но что же, много
болтаю я... Тут у порога
постой. Я позвоню подружке».
Достал жетон я из кармана,
поставил в щель, снял трубку с дужки,
и потянулася рука на
диск телефонный и в момент
был мною вызван абонент.

47

Стоп. Это важно. Моя киска
волнуется и к сердцу близко
отсутствие моё, каприз мой
уж приняла. Я гад последний.
Она хорошая. И как я
вообще могу, как привередник,
себя вести. Дурак, дурак я.
Я от неё завишу. Да.
И с потрохами. Вот беда.

48

«Алло. Ты где?.. Когда ты будешь?..
Ты пьян?.. Зачем меня не любишь?..
Не ври... Купи, коль не забудешь...

А ты не трахаться собрался?
Ты не в квартире?.. Почему ты
в такси не сядешь?.. Ну и дался
тебе наш разговор. Не путай
любовь и бизнес. Приезжай...
Я жду. Целую... Жду. Бай-бай».

49

«Подружка меня любит сильно», —
сказал чучмеку я умильно
и тут же стороною тыльной
ладони красной вытер слёзы,
что ветер вышиб, и повыше
поднял свой ворот и невроты
по поводу того, что крыши
в лице подружки нет уже,
прошли. Спасибо, протеже.

50

Из подворотни сильно дуло.
В лицо отбросами пахло.
Фигурка чья-то промелькнула
между домами. Мы центральным
проспектом шли и освещенье

стены домов, асфальт сусальным
налётом покрывало. Тень я
отбрасывал то так, то сяк,
как, впрочем, и чучмек босяк.

51

Признаться, после разговора
с Татьяною хмель как-то скоро
стал проходить и пик мажора
был пройден и уж больше пива
я не хотел, но неудобно
пред Афраилом было. Диво
окончилось. Пора подробно
подумать, как быстрее попасть
домой и завалиться спать.

52

Полпятого. Тверской бульвар мы
пересекли. Гуляли парни
какие-то. Ну что ж, ударный
момент: вот по бутылке выпьем
и по домам. В ларьке девчонка,
немного заспанная, выпью
на нас уставилась, и звонко

на стук открылось окно.
И взял я пиво. Но одно.

53

Одну бутылку... Передумал
я брать себе. Уже угрюмо
я думал – никакая сумма
спиртного не поднимет больше
мне настроения. Я знаю
по опыту – коль пью я дольше,
чем организм того желает,
то ничего уже не даст
мне пьянка. Лишь растёт балласт.

54

Я посчитал остатки денег.
На тачку мне не хватит. Пленник
сих обстоятельств, я из лени
стал положением тяготиться.
Но всё же в парке с Афрайлом
уселись мы, и, чтоб забыться,
я стал уж из последней силы
расспрашивать его про жизнь,
носком ноги то вверх, то вниз

55

покачивая. Чурка что-то стал мне плести, его икота обуревала, а зевота меня. Он пиво из бутылки пил, я рассматривал большие и грязные его ботинки, и видел, как по его шее ползёт жучок и ничего не сделал, чтобы сбить его.

56

Тут удивил меня неожиданно чучмек, когда вдруг из кармана достал газету, как ни странно свежайшую, и развернувши её, открыл на той странице, где новости про банки, куши миллионные и стал, глазницы рукою протерев, читать вслух и со мною обсуждать.

57

Его сужденья показали,
что дока в этом он. Едва ли
я б мог поверить, коль сказали,
что так бывает. Самородок
сидел передо мной и внятно
мне растолковывал, уроду,
все белые в сознание пятна
моём, касающихся тем
экономических. Я нем

58

сидел и думал: да, приятель,
тебя жалеть нельзя. Создатель
так захотел, чтоб мир некстати
разнообразен был. Быть бомжем —
не значит быть отребьем, просто
стиль жизни это и, похоже,
есть все условия для роста
твоих задатков и, глядишь,
ты как Гайдар заговоришь.

59

А небо вовсе побледнело.

И мимо люди то и дело
ходили, кашляя; шумела
уже Москва, проснувшись рано.
Погасли фонари ночные,
и дворник что-то у фонтана
стал собирать, и шли кирные
два хлопца, что как мы, видать,
лишь только собирались спать.

60

Рассвет. Московские рассветы.
Рассветы вообще. Я в леты
младые, помнится, согретый
любовью, так любил, бывало,
у моря их встречать, взирая,
как с неба ночи покрывало
сворачивает молодая
заря, и думал я тогда,
что мои чувства навсегда.

61

Но всё проходит, всё проходит...
В пустом желудке колобродит,
и хмель последний уж уходит,

и я прощаюсь с Афраилом,
спешу в метро и предвкушаю,
как я сейчас к подружке милой
прильну, но прежде чашку чаю
я выпью, а потом упасть
уж можно будет и в кровать.

62

В вагоне поезда, зевая,
и в голове перебирая
ночные приключенья, злая
меня охватывает скука.
Как глупо всё. Зачем так много
я говорил. И врал, как бука,
что я богат... Смешно, ей-богу.
И водку пил. Плохую. Да.
Но, видно, надо иногда

63

вот так, лицом в дерьмо уткнуться.
А завтра бодрячком проснуться,
читать поэтов, иль согнуться
над рукописью... Нет, не будет
по-старому. Меня подружка

всё время пилит, что все люди
имеют бизнес, я ж, как Пушкин,
сичу над рукописью, да
готов лишь трахаться всегда.

64

Что делать? Неужели бросить
писать стихи? Она гундосить
не перестанет... Если просит
вас женщина... Какая дура!
Она не понимает, что я
талант имею. Ей фактура
моя как раз-таки другое
подсказывает, и она
мне говорит: ты врёшь сполна

65

о собственном таланте... Впрочем,
её понять возможно. Очень
похоже, что я просто кочет
последний. Неудачник, право.
Нигде не напечатан. Годы
уже серьёзные, и слава
или известность, иль хоть моды

всплеск на меня, – должны прийти
ко мне. Но я ещё в пути.

66

Да, жизнь меня перемолола.
Все упования, вся школа
высоких истин, всё подолом
той ПАРКИ БАБЬЕЙ вскользь накрылось.
Всё позади. Теперь я вижу
яснее ясного, что милость
судьбы, что я не ненавижу
себя и жизни. В этом нет
моей заслуги. Этот свет

67

дала Татьяна мне. Что был бы
я без неё? Она из дылды
мужчину сделала и плыл бы,
когда бы не она, я точно
среди дерьма. Такое дело.
Заняться бизнесом и прочно
оставить музу? Это смело.
Хотя смелей мой был бы шаг
остаться с музой натошак.

Я был почти в пустом вагоне.
Чуть холодило мне ладони
и зад сидение. В салоне
было свежо. Уткнувшись в свитер
сидел парнишка слева. Скоро
мне выходить. Мозги, как сито,
собрали всё дерьмо, в котором
нет жемчуга, и я скорей
уоставился в стекло дверей.

«Не прислоняться». «Не слоняться».
«При» кто-то стёр. Такие, братцы,
попались шутники. Стараться
их перевоспитать не стоит.
Из поколения в поколение
передаётся этот поезд,
где мальчик видит откровенье
в том, что он «при» монеткой стёр.
Он догадался, он остёр!

Но метрополитен упрямый
вновь добавляет «при», и самый
догадливый мальчишка, с мамой
сидящий на скамье, сначала
не понимает, что возможно
словечко изменить и мало
что посмеяться, но подложно
прослыть первейшим остряком
среди тех, с которыми знаком.

71

А между тем жизнь продолжает
своё движение, стирает
не только «при», но «слон» и знает,
что вскоре «ять» сотрёт и больше
скажу – совсем сотрёт все буквы,
и тот, кто задержался дольше
в сём мире – есть поэт, чьих мук вы
знать не должны. Он хочет, блядь,
«Не прислоняться» написать,

72

как Метрополитен. Но он-то

всего лишь графоман, что с понтом
как Метрополитен. Урон-то
достоинству, пожалуй, выйдет.
Но не фиг задаваться. Ты же
не Метрополитен. Изыди,
блин, сатана. Бери чуть ниже,
пиши попроще, для души,
«Не прислоняться» – не пиши.

73

На улице совсем светало.
Я через рынок шёл. Слетала
листва с деревьев. Подметала
бригада рынок, что пустынным
ещё был. Проходили люди,
спеша в метро. А я с невинным
лицом шёл спать. И кто осудит
меня за то, что я тружусь
иначе? Сам ведь расплачусь.

74

Да, я работал же когда-то
как все. 140 эр зарплата
моя была. И рановато

я просыпался – в шесть, пожалуй.
Зарядку делал. К остановке
шёл на «шестой» автобус. Мало
я поработал – был к винтовке
приставлен, – в восемнадцать лет
забрали в армию. Привет.

75

А поле армии работал
я грузчиком. Была охота.
Два года с молокозавода
не уходил – трудился на фиг.
Машины с тарой из-под млека
я разгружал, и друг мой Рафик
считал меня за человека
умнейшего, и он всегда
со мной советовался. Да.

76

Ах, кем я только не работал!
Теперь мне тридцать. Я измотан.
Зачем живу – не знаю. Что-то
утрачено, видать надолго.
Но вот уже и дом мой виден.

Залезу в ванную. Вот «Волга»
подружкина. Удел завиден
мой на ближайшие полдня,
а остальное всё фигня.

77

Спиртным наверное я пахну.
Сейчас войду, помоюсь, бахну
чайку и хорошенько трахну
Танюшку, чтоб была ручная.
Я, блин, хозяин в доме. Надо
мне настоять, чтобы родная
мне не устраивала ада,
пусть подождёт, раз любит; нет,
так до свидания. Привет.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Татьяна говорит, что скоро
поедем в Крым по делу. Спора
я не веду: я рад. Мой город
N. N. – я там родился. Там же
у нас дела теперь. Как кстати.
И отдохнём. Сумею даже
всех повидать. Там тёти, дяди,
брат мой родной, друзья и дым
отчества... Скорее в Крым!

2

Сейчас там осень лишь в начале.
Ещё тепло и на вокзале
арбузы продают, и дали
покрыты сизой дымкой: дети
жгут листья там и сям. Там сухо
ещё, должно быть, солнце светит,
и обывательское ухо
улавливает крик грачей
среди остывающих ночей.

3

Уж сколько лет живу в Москве я?
Лет восемь. Здесь я, холодея,
и кончу дни возможно. Где я?
И почему вдали от дома?
Чего ищу? Чего хотел я?
Забыл. Не помню. Не знакомо
мне прошлое моё, и зелья
нет хуже, чем вода реки
забвения. Как далеки

4

все помыслы мои святые...
Смешно. Пойду лучше воды я
из крана выпью. Молодые
года прошли. Попробуй вспомни,
что чувствовал тогда я в сердце.
А мысли помню. Мне удобней
о них смолчать. Проклятый Герцен!
Как жаль, что в детстве не любил
Христа. Заменой Ленин был.

5

Теперь всё это не имеет
значения. Рука немеет.
Я отлежал. Уже седеет
мой волос. Как, однако, быстро.
Морщинки возле глаз. Сухая
немножко кожа. Моя киска
мне на ночь мажет кремом харю,
чтоб избежать морщинок. Да,
мне тридцать лет. Но ерунда.

6

Мне это как-то безразлично
пока что. Всё идёт привычной
дорогой. Знаю я отлично,
чего боюсь на самом деле
я: первое: что больше
не полюблю; второе: в теле
потенция мужская может
иссякнуть. Вот такие две
боязни в праздной голове.

7

Татьяна спит ещё. Поставлю,

пожалуй, чайник. Я лукавлю,
когда твержу ей, что прославлю
себя и денег будет куча.

На самом деле я бездельник,
лентяй, и для меня же лучше
забыть мечты пустые. Тельник
два года на груди уж рву,
а сам в бездействии живу.

8

Сегодня в ресторане МХАТа
должны мы встретиться с Маратом.
Татьяна нервничает: что-то
там у него не всё в порядке
с кредитом нашим. Уж пора бы
ему вернуть кредит, но шаткий
проект какой-то на ухабы
свернул определённый путь:
Марат перемудрил чуть-чуть.

9

Татьяна странное создание.
На сто процентов обаяние
имеет женское. Вниманье

её всё время привлекают
какие-то браслеты, серьги,
духи, цепочки; покупает
она их часто; тратит деньги
на трикотажное бельё
немыслимые. В общем всё

10

ей это нужно... Но имеет
она ум цепкий и владеет
особой хваткой, в коей веет
дух предприимчивый и смелый.
О ней я рассказать, пожалуй,
давно вам должен, но не сделал
пока что этого, как малый,
который с ней живёт как муж,
а потому привык к ней уж.

11

Татьяна родом из Ростова.
Там первый муж её. Оковы
с ним брачные расторгла, – повод
был, кажется, его измена.
И вот в Москву, почти без денег,

она приехала, и Гена
вторым стал мужем ей. Олейник
его фамилия. Но был
фиктивным брак их. Я забыл

12

представить Гену вам. Он, в общем,
почти не нужен нам и общей
отделаюсь я справкой: тощий
и невысокий парень. Хиппи.
Его хотела очень мама
спасти от армии, и в кипе
рекламных объявлений дама
нашла агента, что помог
ей в предприятии. Видит бог

13

придётся попространней. Таня
имеет дочку (я заранее
вам не сказал), и вот той даме
пришла догадка выдать сына
за женщину с ребёнком, чтобы
спасти от армии. Картина
такая: по закону кт**О** был

женат, имея двух детей,
освобождался от страстей

14

армейских... Так вот удалось ей
здесь прописаться. Через восемь
уж месяцев она в Форосе
снимала летом дом. В Москве же
она имела свою фирму
рекламную, а с Геной реже
всё виделась, – работа ширму
установила меж людьми
далёкими. И то. Ведь мы

15

имеем круг друзей нередко
среди тех, с кем трудимся. Вот детка
моя и поднялась. Заметка
для «Коммерсанта». После Таня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.